

Постсоветский феминизм: украинский вариант

Ольга Плахотник

...Если в начале 90-х феминизм для постсоветской Украины был откровением, то сегодня – полтора десятка лет спустя – стал «объективной реальностью», а отношение к нему во многих случаях служит фактором идентификации и самоидентификации...

А. Улюра¹

Понятию «феминизм» не так много лет – его изобретение приписывается в начале 19 в. французскому теоретику социализма Шарлю Фурье (по другой версии – Элис Росси). Однако сегодня в постсоветском медийном и Интернет-пространстве² это одна их наиболее «горячих» тем. Именно вокруг феминизма разгораются, на мой взгляд, самые страстные дискуссии на форумах и в ЖЖ. Аналитические (либо претендующие быть таковыми) статьи «про феминизм и феминисток» привлекают к себе внимание яркими анонсами на обложках гламурных журналов.

Тем не менее, остается не до конца понятным, что подразумевают под данным словом журналисты, а мнение экспертов в феминистской теории остается неуслышанным. Последнее существует в отдельном дискурсивном пространстве (пространстве теоретических исследований) и совсем мало пересекается с областями, доступными для обыденного сознания.

Поэтому данный текст имеет целью анализ существующих дискурсов (в понимании М. Фуко, как «тонкой контактирующей поверхности, сближающей язык и реальность, смешивающей лексику и опыт»³) феминизма в различных сферах постсоветского пространства на примере Украины. Проблема может быть сформулирована как вопрос «об общих причинах возможности/невозможности феминистского типа дискурса (как западной дискурсивной модели) для стран бывшего СССР» (И. Жеребкина)⁴. В качестве частных задач предполагается очертить проблемное поле темы «постсоветский феминизм», а также рассмотреть различные дискурсивные измерения постсоветского феминизма на примере постсоветской Украины.

Говоря о методологических основаниях данной статьи, хочу прежде всего указать на социально-конструктивистский подход. С одной стороны, он является базовым для гендерной и феминистской теории⁵, с другой – сам феминизм с

точки зрения указанного подхода рассматривается как конструкт (либо набор конструктов, различающихся топики-историческим своеобразием). Кроме того, данный текст опирается на постструктуралистскую методологию Дж. Батлер, проблематизирующую легитимность основ теорий, концепций и терминов феминизма, а также выявляющую механизмы исключения, с помощью которых эти основы формируют свою целостность, когерентность и универсальность. Иными словами, задача этого подхода в том, «чтобы спросить, что санкционирует устанавливающий основания теоретический ход, и что конкретно он исключает или перекрывает»⁶. В данном контексте феминизм может быть понят и как деконструирующий (критический) дискурс, и в то же время как производство новых практик исключения, новых дискурсов власти (М. Фуко).

Феминизм в теории: основные моменты

Следуя определению «Словаря гендерных терминов», «феминизм понимается как *теория* равенства полов, лежащая в основе движения женщин за освобождение. Чаще всего его трактуют шире – как разного рода действия в защиту прав женщин, основанные на представлениях о правовом равенстве полов (в этом случае термин может употребляться как синоним *женского движения*)»⁷ (курсив мой. – О.П.). Кроме двух указанных я бы ввела третье измерение феминизма – экзистенциальное, где феминизм выступает личной философией, глубинным внутренним переживанием, хотя наблюдается такой парадокс: переходя во внешний план, экзистенциальный феминизм может быть выражен или как (социальное) действие, т.е. стать элементарным «*движением*», или в форме идеального объекта, смысла (например, в произведении искусства или философии), и встроиться тем самым в систему *идеологии*.

Следует, однако, сразу отметить, что сегодня нелепо говорить о феминизме в просвещенческой позитивистской парадигме, то есть о чем-то таком, что может быть начато и (успешно) окончено – например, с наступлением полного гендерного равенства. Наоборот, сегодня актуальным является понимание феминизма как «неустанного критического действия» (Дж. Скотт), как бесконечного «движения желания» (Ж. Лакан). Кроме того, указанное понятие покрывает настолько широкий спектр разнообразных идеологий и практик, что все больше теоретиков считают неправомерным употребление слова «феминизм» в единственном числе, а только как «феминизмы».

О «феминизмах» говорят, обозначая их пространственно-национальные локации: например, З. Айзенштейн выделяет западные белые феминизмы; феминизмы третьего мира (феминизм цветных женщин, черный феминизм в США, мексиканский/латиноамериканский феминизм, арабские феминизмы); постсоциалистические и посткоммунистические феминизмы Восточной Евро-

пы⁸. Также иногда «феминизмами» называют его различные направления – радикальный, либеральный, постмодернистский и другие (существует несколько подобного рода классификаций). По словам Р. Роббинс, «множественная форма “феминизмы” является политической, потому что она разрушает понятие, согласно которому “феминизм” является единственной категорией с четкими границами, установленными в отдельном семантическом пространстве»⁹.

Как справедливо указывает Дж. Скотт, «феминизм возник в контексте заявлений либеральной демократии о всеобщем равенстве, оказавшись дискурсивно помещенным в противоречие и являясь таковым – не только на арене политического гражданства, но и во многих сферах экономической и общественной жизни. Невзирая на множество изменений смыслов и практик либеральной демократии, ее дискурсивная гегемония остается прежней, и феминизм остается одним из ее противоречий»¹⁰.

Таким образом, общественно-политическим основанием (возможности) феминизма считается либерально-демократическая доктрина, она же является сегодня источником основных его противоречий. Однако об этом далее.

Если же уточнить существительное «феминизм» прилагательным «постсоветский», то поле анализа существенно сужается. Подобная формулировка появилась и соответствующая исследовательская проблема была поставлена благодаря двум, на мой взгляд, резонансным в данном контексте текстам. Первой важной работой, посвященной анализу постсоветского феминизма, явилась статья А. Темкиной¹¹ (1995). Главную мысль этой работы можно сформулировать так: наиболее вероятным и перспективным для постсоветских стран предполагается движение через различные практики женского активизма, необязательно преследующие феминистские цели: «женская субъективность меняется медленно, особенно если социальный контекст этому не способствует, если нет феминистского дискурса, развитого женского движения, традиций участия в общественной жизни, а в общественном сознании достаточно прочны гендерные стереотипы, хотя и столь же прочны эгалитарные традиции участия женщин в общественном производстве»¹². Второй текст – статья И. Жеребкиной «Двойная ловушка демократии: постсоветский феминизм между универсализмом и локализацией»¹³ (2000). Основная идея этой работы, на мой взгляд, состоит в проблематизации и критике современной либеральной теории, которая на практике продуцирует насилие и новые практики исключения ради цели господства либеральных ценностей. Здесь также ставится важный вопрос о концептуальных возможностях переноса западной феминистской теории в незападные общества: «Западная феминистская теория, вступив к концу века в “стадию зеркала” как рефлексивного опыта осмысления собственных оснований, перешла к экспортированию феминизма, чему и сопротивляются те, кому данный экспорт предназначается»¹⁴. Другими словами эту же проблему формулирует М. Носова: «мы говорим и пишем как бы “извне”, то есть из тех пространств, где феминизм»

низма нет. Наш голос не принадлежит хору голосов женщин третьего мира, мы обнаруживаем себя деколонизированными, не испытав ига колонизации. Мы слышим феминизм, но не можем говорить на его языке. Мы не обладаем голосом, но производим смыслы»¹⁵.

Отрадно видеть, что в последние два-три года указанная тема получила довольно интенсивное развитие: появился целый ряд исследований (книг¹⁶, статей¹⁷ и дискуссий¹⁸), посвященных проблематике постсоветского феминизма в целом. «Украинский вариант» постсоветского феминизма также становится темой для обсуждения, однако скорее не в качестве методологической проблемы, а как предварительные и/или публицистические разведки в указанном направлении¹⁹.

Тем не менее, теоретико-методологические вопросы, поставленные в указанных работах А. Темкиной и И. Жеребкиной, по-прежнему, на мой взгляд, определяют ключевые вопросы исследовательского поиска, а именно:

- 1) В какой степени постсоветской феминизм соответствует «классической» западной модели (моделям) феминизма?
- 2) Как возможно существование «локальных» (в данном контексте – постсоветских) феминистских теорий и практик?
- 3) Как соотносятся «феминизм» и «женский активизм» в постсоветских обществах?

Для анализа «украинского варианта» постсоветского феминизма через призму указанных вопросов следует, однако, рассмотреть вначале некоторые другие социокультурные факторы.

Феминизм как классовый феномен: есть или нет?

Однако украинский феминизм существует – приблизительно так же и на тех же основаниях, что и украинский средний класс. Более того, как показывает история западной демократии, феминизм является «естественной» идеологией именно среднего класса...

*С. Сененко, «Лики украинского феминизма»,
Зеркало недели, № 51 (526), 18-24 декабря 2004 г.*

Эпиграф к этому разделу задает нам еще одно направление анализа – рассмотреть феминизм как идеологию, возникающую в рамках определенного (а именно – среднего) класса. И здесь я хочу повторить вопрос В. Малахова (в отношении национального вопроса, однако этот вопрос, на мой взгляд, может быть экстраполирован и на «женский вопрос»): «на каком языке защищать права, на каком языке ставить вопрос о нарушениях прав, если либерализм так под-

мочил свою репутацию?.. Ведь хорошо известно, что за групповые права часто выступают люди, права которых не ущемлены. И сами группы, от лица которых они говорят, на самом деле дискриминации не переживают»²⁰.

Действительно, изучение биографических и автобиографических данных тех женщин, которые самоидентифицируют себя как феминистки в постсоветском пространстве²¹, позволяет проследить связи между феминистским мировоззрением и активизмом и классовым происхождением. Последнее определяет, соответственно, уровень и возможности для образования, овладения иностранными языками, наличие и доступ к материальным ресурсам и социальным сетям как символическому капиталу (П. Бурдьё). Использование категории класса позволяет найти более-менее определенные ответы на целый ряд концептуальных вопросов современной феминистской теории, например таких как 1) проблема разрыва между теоретическими конструкциями и практиками женского и/или гендерного активизма; 2) вопрос соотношения националистических и феминистских дискурсов в феминистском/женском активизме; 3) проблема слабости или недостаточной влиятельности женского движения в постсоветском пространстве. Как пишет Е. Гапова, «в классовом характере происходящих на постсоветском пространстве социальных процессов скрывается и причина отсутствия здесь сколько-нибудь значимого женского движения»²².

Многие авторы говорят о слабости/невозможности постсоветского феминизма вследствие слабости/отсутствия в постсоветских обществах упомянутого среднего класса (в отличие от ситуации Запада). Так, например, для Е. Гаповой важен «классовый вопрос постсоветского феминизма», поскольку, по ее мнению, гендерное неравенство является следствием и продуктом неравенства классового: «“гендер” стал для меня той категорией, которая позволяет завуалировать то, что происходит на самом деле, и говорить о *sexual harassment, rape* и т.п. и закрывать глаза на то, что, как я уже сказала, происходит на самом деле...»²³. С другой стороны, сегодня в Украине мы наблюдаем все больше примеров коммодификации феминистских лозунгов товаропроизводителями в целях расширения рынков: это и акция концерна УкрАВТО «За права женщин за рулем!»²⁴, и слоган «Женщина имеет право на свободу выбора!» в контексте радиорекламы больших магазинов парфюмерии «Арбат-Престиж» и т.п. Подобного рода примеры свидетельствуют, на мой взгляд, о постепенной переориентации рынка на женщин как на группу самостоятельных потребителей – и здесь интересы феминистской идеологии и капитализма начинают во многом совпадать. Этот вопрос может быть спорным и дискутируемым, однако он является, по сути, симптоматикой становления «среднего класса».

Таким образом, напрашивается вывод: анализ феномена «феминизм» через призму категории класса переводит вопрос о наличии/легитимности феминизма в постсоветских обществах в плоскость вопроса о том, в каком состоянии находится в них средний класс.

Феминизм как исторический феномен: миф об «украинском матриархате»

На сегодняшний день наиболее распространенным, легитимным и воспеваемым со всех трибун Украины является мифологизированный образ украинской женщины: Берегини, матери Нации, хранительницы национальной идеи и т.п. Несложно заметить, что здесь представления о национальном и национальной идентичности являются социально определяемыми посредством реконструкции патриархатности. Очевидно, что в процессе нациеобразования в Украине – так же, как и в других постсоветских нациях – закрепляется *современная концепция патриархата*: через интерпретацию ряда традиционных национальных мифов. Тем не менее, этот конструкт устойчив, воспроизводим и чрезвычайно популярен – в том числе на уровне высшей государственной власти. Одним из ключевых концептов украинской национальной мифологии является воображаемый исторический образ украинской женщины – сильной, властной, равноправной де-юре и управляющей всем и всеми (в т.ч. мужчинами) де-факто.

В то же время следует отметить, что в этом вопросе исследователи и исследовательницы разделились по крайней мере на две группы. К первой можно отнести тех, кто искренне полагает: положение женщин в украинском обществе 15-17 веков было равным в правах с мужчинами (т.н. идея «украинского матриархата»). Например, М. Рубчак утверждает: «в браке женщин не считали более низкими существами, наоборот, они имели полные и равные партнерские отношения с мужьями»²⁵. М. Рубчак также уверена, что Украина является традиционно матриархатным обществом. Вторая группа исследовательниц (Л. Смоляр, О. Кись, К. Воробец, Н. Монахова, Н. Кутова, и др.) доказывают иное положение дел: да, украинские женщины де-юре и де-факто были намного свободнее в правах, чем, например, российские женщины (где господствовал «Домострой»), однако никогда нельзя было говорить о равенстве прав мужчин и женщин, и тем более о «матриархате» на территории Украины. Более того, по их мнению, указанная ситуация резко начала меняться в худшую сторону после воссоединения Украины с Россией в 1654 г., когда массовое распространение российских военных поселений приводит не только к популяризации правил «Домостроя», но и к реальному удвоению угнетения украинок как женщин колониальной территории.

Феминизм в сфере политики: область табу

Для украинской политической сферы характерной является тенденция к стигматизации феминизма. Интересны в данном отношении явные параллели с польской ситуацией: по словам А. Графф, «подъем освободительной борьбы,

которым была “Солидарность”, в символическом плане был актом возвращения патриархального строя, разрушенного тоталитарной системой. Как коммунизм стал в коллективном бессознательном периодом сексмиссии, позорного заключения в подземном мире измененных ролей, так выход на поверхность стал моментом возвращения мужественности, отрезания мертвой пуповины...»²⁶. Одна из западных исследовательниц сравнила последствия трансформации посткоммунистических государств с последствиями исламской революции в Иране: переход к патриархатному устройству общества. Возможно, это преувеличение, однако определенные аналогии, на мой взгляд, уместны.

Так или иначе, предубеждение против участия женщин в политике, которое имело место в Центральной Европе, имеет место и в современных постсоветских государствах. Например, в Румынии пытались объяснить неучастие женщин в политике и влиянием мрачной фигуры Елены Чаушеску, и неприятием западной модели феминизма²⁷. В украинском политикуме причинами неприятия феминизма выступают как распространенные мифы о западном «воинственном феминизме», так и понимание феминизма как конъюнктурного направления политической и научной деятельности, никак не связанного с практикой жизни. Эту позицию описала Т. Злобина: «Я не буду тут писать о “профессиональных” “феминистках” в стенах парламентских комитетов или о “грантоедах” – это не то поле, что должно нас интересовать (на то они и “феминистки”). Они не лоббируют права женщин. Они зарабатывают парламентские зарплаты и гранты»²⁸. Поэтому тема женщин в политике, гендерного квотирования и т.п. автоматически относится к сфере «негативного влияния феминизма».

Неудивительно, что в такой ситуации женщины отдают предпочтение созданию профессиональных и гуманитарных организаций – в том числе негосударственных. Например, в перечне разнообразных украинских НГО на портале www.civicsua.gov большинство директоров – женщины. А (редкие) выдвинувшиеся к вершинам власти женщины в публичных высказываниях резко отмежевываются от каких-либо связей с феминизмом, избирая стратегию «нормативной женственности»²⁹, и никак не акцентируют тему прав женщин для собственных политических целей. Так, по словам О. Кись, премьер-министр Украины Юлия Тимошенко «отнодь не считает себя представительницей женских интересов в политике. Как раз наоборот: при каждом удобном случае она отрицает любую связь с женским движением или, упаси Боже, с феминизмом»³⁰.

Очевидно, прямое продвижение «во власть» конкретных женщин не является залогом решения проблем женщин как социальной группы. Здесь, на мой взгляд, весьма перспективной для дальнейшего анализа мне кажется позиция И. Жеребкиной, которая пишет, что «создание альтернативной политики возможно не как стремление *сначала* занять место в тоталитарной системе официальной власти, чтобы *потом* верно “служить делу женщин”, но чтобы через альтернативные формы политического – как действий, базирующихся на

структуре признания различия вместо тотального единообразия – противостоять скрытым, невидимым и официально непризнающимся формам дисперсионного неопатриархатного насилия»³¹.

Феминизм как медийный феномен: стигматизация или карнавализация?

*Феминизм в современной украинской культуре – «как
былинка при дороге: кто ни пройдет – тот хватит».*

С. Пыркало, «Зеленая Маргарита»³²

Ни для кого не новость, что стереотипное представление о феминистке как мужеподобной, сексуально неудовлетворенной и агрессивной извращенке (и о феминизме как соответствующей идеологии) все еще доминирует в массмедийном постсоветском дискурсе. Как пишет О. Кись, «благодаря дискредитации понятия феминизма в рамках коммунистической идеологии и советской практики женщины в своей массе предвзято воспринимают этот термин, усматривая в нем лишь очередную угрозу какой-то абстрактной “вечной женственности”...»³³. Несть числа публикациям в прессе и Интернет, теле- и радиопередачам, основная идея которых – стигматизация понятия «феминизм» как общественно вредного, чуждого, «иноного» и извращенного. Однако в последнее время замечена еще одна интересная тенденция в общественно-культурном украинском дискурсе о феминизме – карнавализация.

Идея карнавализации как способа репрезентации феминизма в Украине появилась с выходом в 1999 г. книги Н. Зборовской «Феминистические размышления: на карнавале мертвых поцелуев»³⁴. Однако развитие и научное обоснование она получила в статье А. Улюры «Карнавализация феминизма в современной украинской литературе»³⁵. Что имеется в виду под «карнавализацией»? Речь идет о карнавально-смеховом аспекте бытования концепта «феминизм» в украинской культуре. На основании анализа ряда произведений современной украинской литературы А. Улюра делает вывод, что «в высказываниях авторов по отношению к феминистской парадигме как самоопределению абсолютно доминирует юмористическая, а зачастую и ироническая, циничная интонация»³⁶. Например, в нашумевшем романе украинского писателя Ю. Андруховича «Перверсии» феминизм карнавализован по классической схеме карнавального снижения и прочно укоренен в телесном низе – сексуальных проблемах. С точки зрения психоанализа З. Фрейда подобное действие может быть интерпретировано в терминах психологической защиты, однако в современной медийной культуре карнавализация феминизма, как полагает А. Улюра, оказывается «побочным продуктом» карнавализации гендера, вписанной в куда более сложную – по

сравнению с простой расправой над неугодной идеологией – схему примитивно понятого постмодернистского мировосприятия.

Вывод напрашивается следующий, и я полностью солидарна здесь с А. Улюрой: «повышенный интерес к феминистской проблематике (или той, что выдает себя за такую) является свидетельством как актуальности тематики в современной культуре (это если речь идет, условно говоря, о количественном факторе), так – в большинстве своем – и очевидной неготовности принять и понять происходящую либерализацию общества и роль/задачи феминистской идеи. Смех в этом случае маркирован и нехваткой информации, и косностью стереотипного мышления, и элементарной социальной защитой – то, что пугает, как правило, высмеивается, – и размытостью и перегруженностью понятий. Совсем в иной, культурософской, плоскости лежит осознанная карнавализация феминизма как идеологического конструкта – предсказуемый элемент постмодернистского мировосприятия»³⁷.

В результате можно подтвердить вывод А. Улюры: феминизм в украинском медийном пространстве или стигматизируется, или «карнавализуется» – то есть оборачивается из серьезного политического феномена в (сексуально) неприличное, неважное, перверсивное и маргинализованное.

Феминизм как общественное движение: есть или нет?

Существует ли феминизм как общественное движение в Украине? Если верить базе данных Украинского Женского Фонда (<http://portal.uwf.kiev.ua>), из 261 зарегистрированных там женских организаций только 2 содержат слово «феминистическая» в своем названии и еще 3 используют слово «феминизм» в формулировке миссии. То есть с формальной точки зрения, ориентируясь на названия, на поставленный вопрос можно ответить – нет, не существует.

В 1994 г. в одном из своих интервью С. Павлычко утверждала: «сегодня в Украине зрелого феминистического движения нет. У нас есть женское движение – даже много разных “движений”, однако все они по большей части анти-феминистичны, то есть вопросы социального, политического, экономического равенства в обществе они не поднимают»³⁸. Сегодня, в 2008 г., ситуация, на мой взгляд, несколько изменилась. Как пишет об этом О. Кись, «даже те женские организации, чьи цели и деятельность на самом деле отвечают феминистским стратегиям общественных изменений, и по сей день не готовы признать себя феминистическими. Это можно объяснить незнанием женщин-активисток основ феминистской теории и практики, что не позволяет им убедительно опровергать ошибочные представления и стереотипы. Поэтому и феминистский дискурс остается маргинальным и в обществе, и в политике...»³⁹.

Исследовательницы истории украинского женского активизма (Л. Смоляр, О. Маланчук-Рыбак и др.) доказывают, что часть практик украинского женского движения действительно была направлена на достижение эмансипационных целей: особенно это характерно для больших городов и (в 1920-40 гг.) для западноукраинского региона. Самым ярким примером именно феминистской локальной/национальной теории и практики считается деятельность «Союза украинок», возглавляемого в 1928-1939 гг. Миленой Рудницкой. Идеологической основой «Союза украинок» были национализм и либеральный феминизм, а сама организация была поистине массовой: например, в последний год своего существования (1939) Союз насчитывал 82 филиала и 1022 сельских кружка, а количественный состав его достигал 60 тысяч женщин. Исследователи полагают, что «Союз украинок» стал «национальной женской организацией универсального типа, которая репрезентировала и удовлетворяла интересы женщин разного возраста и социального статуса»⁴⁰.

Современное женское движение в Украине появляется в 90-е годы 20 века и является объективным следствием глобальных политических и социальных трансформаций этого времени. Известная украинская исследовательница Л. Смоляр выделяет четыре типа женских организаций в Украине. Первые три типа (традиционные, социальные и бизнес-ориентированные) составляют абсолютное большинство женских НГО и напроць лишены какой-либо «феминистической риторики» в своих документах. Однако в идеологическом плане все три указанных подхода базируются на признании равенства полов и стремлении достичь равенства возможностей (через совершенствование законодательства, различные формы поддержки женщин и т.п.), не претендуя на трансформацию гендерной системы общества как таковой. Л. Смоляр называет этот тип деятельности «практический, или прагматичный феминизм»⁴¹.

Организации сугубо «феминистической ориентации» (по Л. Смоляр) являются собой самый малочисленный тип и «не претендуют на ведущую роль в женском движении, не стремятся представлять и защищать интересы всех женщин Украины, а создаются и действуют на основе групповых общих интересов, взаимодоверия и взаимопонимания в пределах данного объединения»⁴². К этой группе Л. Смоляр относит несколько разновидностей женских организаций: профессиональные ассоциации женщин-представительниц творческих профессий (кинематографистки, журналистки, художницы); научные центры женских и гендерных исследований; женские ресурсные информационно-просветительские центры; юридические центры, концентрирующиеся на гендерно-специфических видах правовой защиты (насилие в семье, торговля людьми и секс-индустрия) и т.п. Здесь ключевыми выступают проблемы женского самосознания, женской идентичности и субъективности, а единственно возможным средством достижения гендерного равенства признается изменение существующего гендерного порядка.

Следует подчеркнуть, что современные теоретики по-разному относятся к оценке существующего в постсоветском пространстве женского активизма. Так, по мнению И. Жеребкиной, в украинском женском движении «произошла бессознательная подмена ценностей женской индивидуальности и свободы более абстрактными задачами построения нации-государства, а также стало возможным политическое манипулирование властью женскими инициативами»⁴³. Л. Попкова полагает, что современное российское женское движение (на мой взгляд, это мнение вполне может быть экстраполировано на украинское женское движение) занимает антифеминистскую позицию, сосредоточивая свои усилия на решении социальных проблем и никак не претендуя на критику существующей гендерной системы⁴⁴.

Совсем иначе видит данную ситуацию Т. Злобина, фиксируя необходимость решения первостепенных задач гендерной политики (преимущественно либерального характера): «украинские феминистки не занимаются лоббированием государственной политики и корректированием общественного сознания. Хотя бы они этого или нет, но они в основном занимаются подтверждением тех ярлыков, которые общество с энтузиазмом вешает на понятие “феминизм” (и тем самым отталкивают основную массу от этого понятия). И пока такой *статус-кво* будет сохраняться (общество вешает ярлыки, а феминистки его не разочаровывают) – гендерный дискурс в Украине не выйдет из маргинального поля»⁴⁵.

В результате остаются насквозь проблематизированным и существование женского движения в Украине (я бы предпочла назвать это не «движением», а «(спорадическим) активизмом»), и его маркированность понятием «феминизм» (большинство женских организаций – действительно антифеминистские, другие реализуют феминистские проекты, но избегают данную маркировку, третьи являются феминистскими, но противоречат своим активизмом гендерной политике...), и политические последствия такой ситуации.

Выводы и итоги: что делать?

...не существует постсоветского феминизма. Академический феминизм у нас не имеет выхода на практику, и что гораздо хуже – и не стремится к ней...

М. Дмитриева, www.lifejournal.feminism.ua

Сегодня феминизм критикуем не только г-ном А. Никоновым и подобными ему деятелями: серьезная рефлексия над феминистской теорией и ее методологическими основаниями происходит внутри нее самой. Многие теоретики называют этот этап кризисом классической модели феминизма. Как пишет Дж. Скотт, «приобретая институциональную весомость, академический феминизм вместе с

этим как будто потерял связь с политическим движением, которое его вдохновляло. В 1970-х и 1980-х мы были силой, производящей знание для широкого феминистского движения, верившего в радикальные общественные перемены. В 1990-х последовали критические нападки и нагруженные комплексом вины обвинения в угасании связей между теоретиками и общественным движением, равно как и призывы сохранять и восстанавливать эти связи. Но эти попытки провалились не потому (как обычно утверждают), что ученые скрылись в башне из слоновой кости (противопоставление академических и политических феминисток всегда было надуманным), а потому, что само политическое движение стало разрозненным, рассредоточилось по разным сферам активизма»⁴⁶.

Вышеприведенная цитата дает основания проводить параллели между западным феминистским мейнстримом (если о таком можно говорить) и постсоветским (в нашем случае – украинским) феминизмом. Я полагаю, что с опозданием на 15-20 лет, но в постсоветской Украине происходят процессы, подобные тем, что происходили на Западе. С одной стороны – название без действия (бездействие?), с другой – действие без названия. Онтологический тупик?

О. Воронина говорит о России, что «феминизм, на мой взгляд, может быть реализован только как личный проект»⁴⁷. Однако мне кажется, что указанный парадокс все же допускает попытки других, более оптимистичных ответов на вопросы, поставленные в начале статьи. Возможно, говоря о *стратегии* украинского феминизма, стоит иметь в виду ту самую «локальную специфику», ту феминистскую активность «под любым другим именем» (Дж. Батлер – Р. Брайдотти)⁴⁸, которая расшатывает существующий гендерный порядок независимо от артикулирования или неартикулирования самого слова «феминизм». Похожие мысли высказывает, например, С. Айвазова: «В то время как мы говорим, что нет никакого социального поля для феминистского проекта, большинство женщин живут в этой реальности абсолютно по феминистским проектам»⁴⁹. Похожим образом рассуждает и Н. Каменецкая, говоря о феминизме постсоветских женщин-художниц как о «неназываемом»⁵⁰.

Существуют также попытки ответов на вопрос о том, как возможны эффективные феминистские практики в украинском обществе (иначе говоря, *вопрос тактики*). Например, В. Малахов на основе анализа российского материала весьма убедительно доказывает: «Когда в учебниках и популярных брошюрах уже в виде формул, в виде окончательных дефиниций преподносятся весьма сомнительные допущения (да еще набираются жирным шрифтом), мы имеем дело с некой индоктринирующей процедурой. И бороться с ней иначе как перформативными средствами нельзя. Ее влияние нельзя уменьшить научными трактатами. Академические споры здесь не помогут. Это надо делать на другом поле. Нужно выходить на газеты, нужно выходить на телевидение»⁵¹. Поэтому одним из вариантов в ситуации стигматизации и карнавализации феминистского дискурса в украинском публичном пространстве эффективными (или, по крайней

мере, деконструирующими) могут быть именно перформативные акции.

Таким образом, ответ на сакраментальный вопрос «Что делать?» предполагает выбор позиции из вышеописанных (и не только) вариантов. Останется надеяться, что для украинских феминисток/тов (в существование которых я, в отличие от автора эпиграфа к этому разделу, верю) это окажется посильной задачей.

-
- 1 Улюра А. *Карнавализация феминизма в современной украинской литературе*, <http://www.inf.by/fc/15.htm>.
 - 2 Я имею в виду, что Интернет – это не только медийное пространство, но и поле высказывания частных мнений (блоги, ЖЖ, форумы), формирующее более широкие дискурсивные поля, нежели СМИ.
 - 3 Фуко М. *Археология знания* (Киев: Ника-Центр, 1996), с. 49.
 - 4 Жеребкина И. «Двойная ловушка демократии: постсоветский феминизм между универсализмом и локализацией», *Гендерные исследования*, № 5, 2000, с. 37-47.
 - 5 Здравомыслова Е., Темкина А. «Социальное конструирование гендера как феминистская теория», *Женщина. Гендер. Культура* (Москва: МЦГИ, 1999), с. 46-65.
 - 6 Батлер Дж. «Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о “постмодернизме”», *Гендерные исследования*, № 3, 1999, с. 93.
 - 7 Клименкова Т. «Феминизм», *Словарь гендерных терминов*, www.owl.ru.
 - 8 Айзенштейн З. «Экспортный феминизм Севера и Запада», *Гендерные исследования*, № 1, 1998, с. 10.
 - 9 Robbins R. *Literary Feminisms* (NY: St. Martin Press, 2000), 290 p.
 - 10 Скотт Дж. «История феминизма», *Гендерные исследования*, № 13, 2005, с. 5-26.
 - 11 Темкина А. «Феминизм: Запад и Россия», *Преображение*, № 3, 1995, с. 5-17.
 - 12 Там же, с. 17.
 - 13 Жеребкина И. «Двойная ловушка демократии: постсоветский феминизм между универсализмом и локализацией», *Гендерные исследования*, № 5, 2000, с. 37-47.
 - 14 Там же.
 - 15 Носова М. «Феминизм/постфеминизм: локальные смыслы глобального дискурса»,

Гендерные исследования, № 10, 2004, с. 235.

- 16 Жеребкина И. *Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует* (СПб.: Алетейя, 2003); Ушакин С. *Поле пола* (Вильнюс, ЕГУ, 2007); Юкина И. *Русский феминизм как вызов современности* (СПб.: Алетейя, 2007); *Российский гендерный порядок: социологический подход*, под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной (СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2007); и другие.
- 17 Гапова Е. «О гендере, нации и классе в посткоммунизме», *Гендерные исследования*, № 13, 2005, с. 101-118; Каменецкая Н. «Существует ли постсоветский феминизм?», *Гендерные исследования*, № 16, 2007, с. 25-37; Савкина И. *Факторы раздражения: о восприятии и обсуждении феминистской критики и гендерных исследований в русском контексте*, <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/sa13.html>; и другие.
- 18 «Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР: взгляды изнутри, снаружи и со стороны». Круглый стол (17 июня 2005, Москва, Фонд Макаратуров), *Гендерные исследования*, № 15, 2007, с. 6-74; «Политическое воображаемое гендерных исследований в Украине». Круглый стол (25 мая 2007, Харьков, ХЦГИ), *Гендерные исследования*, № 15, 2007, с. 234-255; и другие.
- 19 Сененко С. «Лики украинского феминизма», *Зеркало недели*, № 51 (526), 2004; Улюра А. *Карнавализация феминизма в современной украинской литературе*, <http://www.inf.by/fc/15.htm>; Монахова Н., Нагорная Н. «Лесбийская идентичность в неонационалистическом дискурсе, или возможны ли лесбийские исследования в Украине?», *Гендерные исследования*, № 15, 2007, с. 296-307; Злобіна Т. *Особисті проблеми українського фемінізму*, http://livasprava.in.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=642&Itemid=1; и другие.
- 20 Малахов В. *Полемика после доклада*, <http://www.intellectuals.ru/malakhov/polemika/3polemika.htm>.
- 21 См., например: Здравомыслова Е. «Коллективная биография современных российских феминисток», *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период* (СПб.: Центр независимых социальных исследований, 1996, с. 33-60); Posadskaya A. *Self-Portrait of a Russian Feminist* (New Left Review, 1992, p. 3-19); Павличко С. «З України роблять хатку, відгороджену від усього світу парканом тупості», *Фемінізм* (К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002, с. 283-287); и др.
- 22 Гапова Е. «О гендере, нации и классе в посткоммунизме», *Гендерные исследования*, № 13, 2005, с. 101-118.
- 23 Гапова Е. «Выступление на Круглом столе “Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР: взгляды изнутри, снаружи и со стороны”», *Гендерные исследования*, № 15, 2007, с. 10.

- 24 *Фестиваль женских автомобилей 2008 – За права женщин за рулем!*, <http://www.autozaz.kiev.ua/ru/news/out.php?id=143>.
- 25 Rubchak, M. «Christian Virgin or Pagan Goddess: Feminism versus the Eternally Feminine in Ukraine», *Women in Russia and Ukraine* (Cambridge University Press, 1996), p. 315-330.
- 26 Графф А. *Світ без жінок: стаття в польському громадському житті* (Львів: Ахілл, 2005), с. 24.
- 27 Басараб О. *Рівність прав – асиметричність досягнень*, <http://maidan.org.ua/static/mai/1143543710.html>.
- 28 Злобіна Т. *Особисті проблеми українського фемінізму*, http://livasprava.in.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=642&Itemid=1.
- 29 См., например, доклад О. Кись «“Красота спасет мир”: нормативная женственность как женская политическая стратегия в Украине (на примере Юлии Тимошенко)», *Капитализм и/ли патриархат? Гендер на постсоветском пространстве*, (Международная конференция. – Вильнюс, 2006)).
- 30 Кись О. «Кого оберегает Берегиня, или Матриархат как мужское изобретение», *Зеркало недели*, № 15(543), 2005.
- 31 Жеребкина И. «Двойная ловушка демократии: постсоветский феминизм между универсализмом и локализацией», *Гендерные исследования*, № 5, 2000, с. 37-47.
- 32 Цит. по: Улюра А. *Карнавализация феминизма в современной украинской литературе*, <http://www.inf.by/fc/15.htm>.
- 33 Кись О. «Кого оберегает Берегиня, или Матриархат как мужское изобретение», *Зеркало недели*, № 15(543), 2005.
- 34 Зборовська Н. *Феміністичні роздуми: На карнавалі мертвих поцілунків* (Львів: Центр гуманітарних досліджень ЛНУ ім. І.Франка, 1999).
- 35 Улюра А. *Карнавализация феминизма в современной украинской литературе*, <http://www.inf.by/fc/15.htm>.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Павличко С. «Сучасна жінка: образ зовнішній і образ внутрішній», *Фемінізм* (К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002), с. 233.

- 39 Кись О. «Кого оберегает Берегиня, или Матриархат как мужское изобретение», *Зеркало недели*, № 15(543), 2005.
- 40 Маланчук-Рибак О. «Жіночий рух як ідеологія і практика суспільних змін», *Основи теорії гендеру* (К.: Видавництво «К.І.С.», 2004), с. 218.
- 41 Смоляр Л. *Жіночий рух України як чинник гендерної рівноваги та гендерної демократії в українському соціумі*, www.party.civicua.org/women/zhruh.htm.
- 42 Там же.
- 43 Сильченко В. «Интервью с И. Жеребкиной. Феминизм и современная философия», *Новый образ*, № 1, 1997, с. 5-7.
- 44 Попкова Л. «Доклад на конференции “Современное женское движение России перед новыми вызовами”, 9-10 декабря 2002 г.», http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=513&art_id=24545.
- 45 Злобіна Т. *Особисті проблеми українського фемінізму*, http://livasprava.in.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=642&Itemid=1.
- 46 Скотт Дж. «История феминизма», *Гендерные исследования*, № 13, 2005, с. 8-9.
- 47 Воронина О. «Выступление на Круглом столе “Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР: взгляды изнутри, снаружи и со стороны”», *Гендерные исследования*, № 15, 2007, с. 13.
- 48 Батлер Дж. «Феминизм под любым другим именем: Интервью с Розы Брайдотти», *Гендерные исследования*, № 2, 1999, с. 48-79.
- 49 Айвазова С. «Выступление на Круглом столе “Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР: взгляды изнутри, снаружи и со стороны”», *Гендерные исследования*, № 15, 2007, с. 25.
- 50 Каменецкая Н. «Существует ли постсоветский феминизм?», *Гендерные исследования*, № 16, 2007, с. 36.
- 51 Малахов В. *Полемика после доклада*, <http://www.intellectuals.ru/malakhov/polemika/3polemika.htm>.